

Леонид Гершевич Фишман

доктор политических наук, профессор РАН,
главный научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия. E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5062-8291

КОРРУПЦИЯ РАДИ НАРОДА¹

Статья посвящена попытке ответа на вопрос: действительно ли приход к власти популистов влечет за собой рост коррупции или же дело так только *выглядит* в силу аберрации восприятия, обусловленной доминированием при оценке этого явления либерально-демократической парадигмы? Особое внимание уделяется массовому клиентелизму как неизбежному атрибуту демократии с античности до наших дней. Массовый клиентелизм рассматривается в качестве обычной политики популистов, в ряде случаев объективно способствующей процессам социальной модернизации и демократизации. Констатируется, что в случае с популизмом к привычным либерально-демократическим коррупционным практикам прибавляются практика массового клиентелизма и политика поощрения национальной буржуазии. Вне зависимости от реального положения дел сочетание этих факторов в либеральной-демократической парадигме выглядит как усиление коррупции.

Ключевые слова: коррупция, демократия, либеральная демократия, клиентелизм, модернизация.

Конец XX – начало XXI в. ознаменовались ростом влияния популистских политических сил не только в Латинской Америке, для которой это уже в XX в. стало обычным явлением, но и в Европе и в США. Победы популистов в Венгрии, Польше, Македонии, Греции, равно как и Трампа в США, всегда сопровождалась активной эксплуатацией антикоррупционной и антиэлитарной риторики: противники популистов описывались как «совершенно разрушительные» элиты, которые «лгут»,

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

«манипулируют», «предают» людей, «закljučают соглашения за спиной народа», «выступают против действий», которые приносят пользу людям, и руководствуются при этом исключительно «личными интересами» (Petkovski 2015: 62). Там, где популисты еще не победили, обнаруживается четкая связь между высоким уровнем коррупции и готовностью людей голосовать за популистские партии. Это, например, верно для Национального фронта во Франции и пятизвездочного движения в Италии, популярность которых резко возросла в последние годы (Agerberg 2017).

В то же время достаточно широко распространились утверждения, что популисты, приходя к власти, не только не могут справиться с коррупцией, но и, напротив, вольно или невольно поощряют ее рост. Популизм оказывается лекарством хуже самой болезни. «Как показывает практика, лидеры, атакующие “кумовской капитализм” (crony capitalism), лишь устанавливают вместо него новые формы коррумпированных систем» (Гирко 2017). Согласно утверждению *Transparency International*, например, рейтинг Венгрии опустился за период с 2015 по 2016 г. с 50-го на 57-е место, а Турции – с 66-го на 75-е. В конечном счете, дело выглядит так, будто популистские правительства вводят следующих за ними людей в заблуждение, не меняя самой системы, которая порождает коррупцию. Они не могут разорвать порочного круга коррупции и победить социальное неравенство (Finn 2017). Говорят даже о взаимном усиливающем цикле: коррупция позволяет популистским режимам приходить к власти, а популистские режимы способствуют системной коррупции (Balisacan 2017).

Проблема, которую мы хотим здесь поставить, следующая: так ли в действительности обстоит дело относительно связи между популизмом и коррупцией? Или, быть может, ситуация только *выглядит* подобным образом в силу неких аберраций восприятия и некоторой избирательности взгляда, обусловленной доминированием при квалификации коррупции либерально-демократической парадигмы? Не имеем ли мы в этом случае дело с тем, что называется «искусственно создаваемыми по экономическим и политическим соображениям инсценированными смыслами коррупции» (Кравченко, Охотский 2018: 117)?

О том, что в некоторых отношениях речь идет именно об абберациях восприятия, свидетельствует обычное объяснение усиления коррупции при власти популистов. Оно звучит так: потому что становится меньше демократии. Меньше демократии означает меньше прозрачности и контроля гражданского общества за властью – и больше коррупции. И наоборот – если больше демократии, то меньше коррупции. Например, отмечают, что в Аргентине ситуация начала улучшаться после избавления от популистского правительства: в 2016 г. страна набрала 36 баллов против 32 баллов в 2015 г.

Замечательно в подобной аргументации то, что, хотя речь идет о разных странах, обществах с разной историей и культурой, ответ всегда примерно одинаков: потому что демократия сменяется на несколько более автократический режим. И чтобы вновь уменьшить коррупцию, нужно вернуться к большей демократии. Возможно, здесь мы имеем дело не столько с объективным научным знанием, сколько со своего рода мифологией относительно характера связи коррупции (и такого ее проявления, как клиентелизм) и демократии. (Кроме прочего, мифологичность этой связи становится очевидной на примере некоторых государств – Сингапура и т.п., в которых коррупция признается рекордно низкой, в то время как демократии там нет.)

Данная мифология подразумевает, что демократия изначально является чем-то противоречащим коррупции и ее разновидности – клиентелизму. Между тем дело, скорей, обстоит наоборот. Уже в античности демократия *подразумевала* клиентелизм и коррупцию в современном смысле (с той лишь разницей, что это тогда не считалось «порчей» государства). Демократия в античности, да и позже – это открытые патрон-клиентарные отношения между народом и его политическим представителем – от вождей до партий. Главное, чтобы лидеры периодически переизбирались; однако если речь идет о великом человеке вроде Перикла, то его можно выбирать до самой смерти.

В парадигме либеральной демократии к изначальной мифологии относительно характера связи коррупции и демократии добавляются другие моменты, однако в принципе она остается той же самой: меняется лишь количество посредников между вождем-патроном и народом-клиентом.

Народ воспринимается как общность, которая неспособна к разумному самоуправлению, потому что у людей нет достаточных образования, культуры, собственности и т.д. Народ не может адекватно ни осознать, ни сформулировать свои интересы, ни бороться за них, поэтому участие его в управлении следует ограничить участием в голосовании. Внятно артикулировать за народ его интересы способны те, кого называют элитами. По умолчанию всякая из таких групп, прикрываясь тем, что она является важной частью народа, придя к власти, преследует в первую очередь свои интересы. Ее политическое представительство становится патроном, оказывающим услуги *своей* клиентской группе и т.д. Элитарии организуют систему либеральной демократии таким образом, чтобы в ней такие клиентские группы могли договариваться или соперничать в разделе сфер влияния на государственный аппарат, ресурсы и т.д. Это относительно небольшие группы. Они могут следить друг за другом, соблюдать правила и т.д., то есть не допускать коррупции, хотя каждая из таких групп именно этого бы и хотела, а именно использовать государственный аппарат для удовлетворения своих нужд. (Остальные, не нашедшие такого элитарного патрона группы фактически репрезентируются как меньшинство, хотя в реальности являются большинством (Calloni 1998: 101), к которому затем и могут апеллировать популисты, конструируя свой «народ».)

Никогда особенно и не скрывалось, что либерально-демократическая политическая система изначально и есть коррупция, введенная в легальные рамки. Знаменитая «система сдержек и противовесов», характерная для представительного правления, исходит из того, что люди по своей природе своекорыстны, а создаваемые ими политические и прочие сообщества будут стремиться к удовлетворению скорее своих интересов, нежели общественных, национальных, государственных. Решение проблемы заключается не в том, чтобы полностью искоренить это своекорыстие, а в том, чтобы сообщества следили друг за другом, не давая чрезмерно зарваться: «наличие множества партий, пусть даже коррумпированных, дает гражданскому обществу эффективный инструмент антикоррупционной политики» (Костогрызов 2014: 441). Более того, наличие коррупции является необходимым элементом легитимации современных

демократических режимов «от противного». Сегодня представления о коррупции развиваются исходя из постулата, согласно которому политическая власть, обязанная выражать единый национальный интерес, под воздействием коррупции превращается в скрытого защитника интересов узкого круга лиц. Особенно при демократии оценка коррупции как едва ли не самой важной проблемы выгодна и для власти, и для оппозиции. В этом случае сама система в целом не вызывает нареканий, но не может функционировать «правильно» и в полную силу из-за «испорченных» взяточников и взяточдателей, которые, по личным причинам, не разделяют «идеологию госслужбы» (Кабанов 2011: 34). Принципиально же следующее: *изначальное, вполне коррупционное патрон-клиентарное отношение между народом и государством остается и при либеральной демократии с той разницей, что, по негласной договоренности, ни одна социальная группа не может претендовать на статус народа, равно как ни одна политическая сила – на статус его патрона*. Пока эта договоренность не нарушается и политика остается делом элит, очевидно, и коррупция в рамках либеральной демократии выглядит «нормальной». Однако, когда речь заходит о популистах, ситуация меняется – они начинают делать нечто такое, благодаря чему коррупция якобы увеличивается. Как это происходит?

Концепция Я.-В. Мюллера способна формально объяснить, почему при власти популистов возникает впечатление об усилении коррупции. Из ее положений вытекает, что усиление коррупции является логичным следствием базовых популистских установок. Механика популизма такова, что он путем включения или исключения формирует группу, претендующую на монопольное выражение интересов народа. Шутят, что демократия – это власть людей, называющих себя демократами. Подобным же образом «власть народа» – это власть популистов, выступающих от имени народа, который есть конечная правовая и моральная инстанция в демократических режимах. «Популисты во власти – пишет Мюллер, – всегда прибегают к тому аргументу, что они являются единственными морально легитимными представителями народа и что только определенная часть населения является подлинным народом, заслуживающим поддержки и хорошего управления» (Мюллер 2018: 42).

Мюллер неоднократно подчеркивает, что для популиста всегда виноваты институты, которые только с виду демократические; на самом деле ими заправляют продажные и лживые элиты, обманывающие народ (Мюллер 2018: 34). Чтобы поставить эти институты на службу народу, популистам приходится их «колониализировать», что приводит к массовому клиентелизму, «дискриминационному легализму» («друзьям – всё, врагам – закон») и, наконец, систематическому подавлению гражданского общества (Мюллер 2018: 42-43, 54). В конце концов, популистские режимы поддерживают в гораздо большей степени согласие людей относительно того, что эти режимы и есть истинно народные, нежели принуждение. «Кто будет выступать против народа, даже если он ошибается?» (Petkovski 2015: 59). Это снимает, по крайней мере, моральные барьеры на пути популистов, когда они, приходя к власти, предоставляют привилегии своим сторонникам. В конечном счете, они не делают ничего такого, чего не делают их предшественники, «коррупцированные элиты», – в обмен на массовую политическую поддержку предоставляя материальные и нематериальные блага. Иначе говоря, популисты, таким образом, пытаются исходить из идеального представления о демократии, близкого к античному, – «демократии как коллективной деятельности и непосредственного участия в общих действиях», «коллективного управления собственной судьбой». Популисты высказываются и ведут себя так, «как если бы народ мог выносить единое непреложное суждение, выражать единую волю и тем самым выдавать однозначный мандат на выполнение этой воли» (Мюллер 2018: 64). К этому можно добавить: и так, как если бы народ мог быть сразу весь¹ коллективным бенефициаром политики, осуществляемой им самим или от его имени. Идея «коллективного управления собственной судьбой» – это идея обладания, не в последнюю очередь, материальными благами, получаемыми посредством такой политики².

¹ По крайней мере, в ряде случаев этот народ может действительно являться большинством населения, как, например, в Белоруссии или Венесуэле: «Оба государства используют средства... на социальные программы для поддержания лояльности наименее обеспеченных слоев населения, которые составляют большинство электората» (Шуленкова 2009: 59).

² Например, австрийский популист Йорг Хайдер буквально раздавал на улице 100 евро (134 доллара США) на «своих людей» (Mueller 2014).

После всего сказанного возникает закономерный вопрос: а что, собственно, во всем этом плохого? Почему народ (или, по крайней мере, малоимущие его слои, на которые опираются популисты) не может строить свои отношения с политическими элитами таким же меркантильным образом, каким это делали испокон веку имущие и образованные социальные группы? Разве не подразумевает представительная демократия подобного рода рациональной меркантильности? Помимо прочего, она основана на том, что народ может легко оценить степень выполнения своим политическим представителем предвыборных обещаний и призвать популистов к ответственности. Массовый клиентелизм – вполне приемлемая, если только не единственно возможная форма приобщения широких слоев населения к демократическому участию и, в более широком смысле, к Модерну. Было бы, конечно, преувеличением представлять подкуп избирателей в качестве однозначно позитивного явления, но «есть основания высказать все же сомнение по поводу того, чтобы однозначно относить данный способ к электоральной коррупции» (Ковин, Панов, Подвинцев 2016: 147).

Вместе с тем популизм часто по инерции описывается как проявление архаической социокультурной наследственности. Особенно велик соблазн делать это по отношению к европейским популистам и их электорату. Избиратели, голосующие за популистов (особенно в Европе), всегда могут быть представлены как жаждущие сиюминутных преимуществ недалекие клиенты, получающие материальные и прочие бенефиции в обмен на политическую лояльность. С этой точки зрения дело выглядит так, будто популисты проводят политику выборочного повышения доходов привилегированных групп, например пенсионеров, а клиентелизм и коррупция работают в одной упряжке (Sotiropoulos 2016), разрушая достижения европейского Модерна. Разрушителей же легко охарактеризовать как адептов домодерновой «культуры неудачников», враждебной рационализму, либерализму, демократии, секуляризму, капитализму и, напротив, склонной к этатизму и клиентелизму (Pappas 2010). Не так давно во время предвыборной кампании Трампа аналогичным образом описывался и его электорат – отсталые, провинциальные, плохо образованные «реднеки». Возможно, по отношению к Европе и США восприятие популизма и справедливо. Однако

если оно верно, то свидетельствует о том, что в XXI в. очень значительная часть населения самых передовых стран оказалась настолько демодернизирована, что для нее стали актуальны способы приобщения к демократическому участию, казалось бы, давно изжитым путем массового клиентелизма. И в этом смысле может идти речь о коррупции как «порче» остающейся передовой либерально-демократической государственности.

Но то, что может быть относительно верным для Европы и США, едва ли в той же мере применимо для анализа ситуации в других регионах планеты. Иначе говоря, всегда ли оправданно описывать массовый клиентелизм как проявление коррупции, приводящее к «порче» демократии и т.д.? Следует учитывать, что популизм популизму рознь. Прежде всего, европейский правый популизм с его ярко выраженной политической *исключением* резко отличается от латиноамериканского левого популизма, проводящего противоположную политику. В Европе правые популисты в первую очередь заинтересованы в *исключении* тех социальных групп, которые могут претендовать на благосостояние коренного населения («шовинизм благосостояния») (Mudde, Kaltwasser 2013: 160). В Латинской Америке основное внимание уделяется достижению условий для роста благосостояния народа, то есть малоимущих слоев. Политика *включения* латиноамериканских левых популистов может быть охарактеризована как клиентелизм в пользу бедняков. Клиентелизм и радикализм выступают стратегиями, которые альтернативно используются городской беднотой в их попытках извлечь, прежде всего коллективным образом, ресурсы из государства; это также борьба за символические ресурсы, политический «кредит», контроль над работой, инфраструктурой и доступом к государству (Gay 1998: 16-17). Словом, в тех случаях, когда речь идет о «новом», деперсонализированном, обезличено-рыночном клиентелизме в странах Латинской Америки (Norbin 2006: 4), такую практику можно с тем же успехом рассматривать как вовлечение в демократическую политику тех социальных групп, которые ранее, в силу крайней бедности, не могли принимать в ней участия. Если старый клиентелизм в ряде случаев становился противником и жертвой модернизации, то новый работает как ее инструмент, способный преодолеть издержки старого и решить актуальные проблемы. Иными словами, массовый клиентелизм

в таких случаях предстает вовсе не как нечто домодерновое, антилиберальное и антидемократическое, скорей – наоборот. Если признается, что одной из важнейших причин коррупции является социальное неравенство, а массовый клиентелизм, осуществляемый левыми популистами, призван это неравенство сгладить, то «рост коррупции» в категориях *Transparency International* может оказаться в действительности гораздо менее однозначным явлением – даже с точки зрения роста или свертывания либерально-демократических институтов и практик.

Тем не менее в условиях господствующей либерально-демократической парадигмы восприятия коррупции политика популистов, какими бы они ни были, *будет выглядеть как усиление коррупции*. Популисты, вне зависимости от того, настроены они или нет «менять систему», могут войти в нее лишь как политический репрезентант одной из «групп интересов», характерных для представительной демократии – в данном случае группы «народ». Они наследуют систему либерально-демократических институтов, в рамках которой реализация интересов народа невозможна иначе, кроме как путем удовлетворения запросов тех или иных социальных групп, лобби и т.д. Но удовлетворение интересов народа таким образом в либерально-демократической парадигме автоматически вызывает подозрение в коррупции посредством клиентелизма. Более того, сами популисты, не меняя радикально политических институтов и не выходя за пределы либерально-демократической идеологической парадигмы, обречены проводить политику, которая с точки зрения этих же институтов неизбежно будет трактоваться как коррупционная. Если популисты воспринимают свою политику как некую коррупцию ради народа, то по оценкам прочих политических сил они остаются лишь одной из групп, дорвавшихся до власти и не стесняющихся пользоваться ее благами. К тому же политика популистского правительства может быть легко истолкована как смена одного бенефициара коррупции на другого. Например, если, по мнению правых популистов, вроде Трампа, наличие социальных программ для иммигрантов или национальных меньшинств означает «коррупцию» в пользу этих групп (Ranganathan, Doshi 2017), то тогда и все предпринятое в пользу настоящей (белой) рабочей Америки,

в пользу «настоящего народа», является такой же, но еще более откровенной коррупционной политикой.

Действительно, приход к власти популистов может сопровождаться ростом банальной коррупции – в виде взяток, использования служебного положения в частных целях и пр. Или же, по крайней мере, такая коррупция никуда не исчезает, меняется лишь направление финансовых потоков. Этому способствуют ограничения демократии, автократические тенденции, вождизм, дискриминационный легализм и пр. Так, например, расследование мегаскандала, связанного с деятельностью бразильской строительной компании *Odebrecht*, выявило, что, в первую очередь, пораженными коррупцией оказались левопопулистские режимы – правительства Лула Инасиу да Силвы и Дилмы Руссефф в Бразилии, Уго Чавеса и Николаса Мадуро в Венесуэле, Кристины Киришнер в Аргентине и упомянутого Рафаэля Корреа в Эквадоре. Однако такая коррупция не редкость и в «обычных» либеральных, не испорченных популизмом демократиях или диктатурах, о чем свидетельствует опыт опять-таки Латинской Америки: «...то, что большинство сделок в Латинской Америки заключается при помощи коррупционных схем, а строительная сфера является наиболее криминальной из всех, ни для кого уже давно не секрет» (Бай 2017). С правыми популистами дела обстоят сходным образом. Например, *Transparency International* в 2017 г. жаловалась председателю Еврокомиссии Жан-Клода Юнкеру на фаворитизм в деловых и в политических кругах венгерского общества, на то, что фонды Евросоюза зачастую распределяются в Венгрии (в которой уже 8 лет правят правые популисты) не вполне справедливо. Отмечалось, что «при Викторе Орбане в Венгрии сложилась не традиционная олигархия, в которой представители крупного капитала могут влиять на политические решения, но система, при которой государство фактически получает право распределять блага между удобными ему олигархами... Сам Орбан всегда отвергал обвинения в коррупции, по его словам, “Фидес” занималась “созданием в Венгрии национальной буржуазии”: обогащение близкой к властям элиты приравнивалось к национальным интересам страны» (Бенюмов 2018). В то же время «кризисная ситуация в области верховенства права, по мнению *Transparency International*, возникла не только в Венгрии, но и по всему Евросоюзу» (Хмельнов 2017).

Подытоживая, заметим, что на самом деле неизвестно (или требует отдельного исследования) – больше ли воруют, сильнее ли «портится» государственный аппарат и т.д. до прихода к власти популистов или во время их правления. Однако в случае с популизмом к привычным либерально-демократическим коррупционным практикам прибавляются: а) массовый клиентелизм (сакраментальное «хлеба и зрелищ» в пользу малоимущих) и б) политика поощрения национальной буржуазии (как очень значимой части популистского «народа»). Последняя, правда, практически неотличима от собственной многим авторитарным режимам установки «друзьям всё, остальным – закон». Как бы то ни было, добавление к привычной коррупции указанных выше практик, а также нарушение негласного правила, согласно которому ни одна политическая сила не может претендовать на статус патрона всего народа, порождают общее впечатление усиления коррупции. Поэтому какие бы глубинные процессы, связанные с модернизацией и демодернизацией, трансформации в экономике и культуре, в социальной стратификации современных обществ, ни обуславливали прихода к власти популистов, с позиций либерально-демократической парадигмы все осуществляемые популистами изменения обречены выглядеть как порча либеральной демократии.

Материал поступил в редколлегию 25.06.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бай Е. 2017. Революция «честности»: коррупционеры идут за решетку [Электронный ресурс]. 01 марта. URL: <https://haqqin.az/news/93782> (дата обращения: 15.05.2018).

Бенюмов К. 2018. Свободные, но нечестные [Электронный ресурс], 09 апр. URL: <http://bramaby.com/ls/blog/europe/8995.html> (дата обращения: 15.05.2018).

Гирко Т. 2017. Популизм и коррупция – одного поля ягоды? = Leporulis meet la corruption sont de la mēmenature? [Электронный ресурс], 30 янв. URL: <http://nashagazeta.ch/news/politique/populizm-i-korrupciya-odnogo-polya-yagody> (дата обращения: 15.05.2018).

Кабанов К.В. 2011. Коррупция: общая ситуация и текущие реалии // ОНС : Обществ. науки и современность. № 5. С. 34-36.

Ковин В.С., Панов П.В., Подвинцев О.Б. 2016. К вопросу о содержании понятия «электоральная коррупция» // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. по итогам Второй Всерос.

науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург. С. 143-154.

Костогрызов П.И. 2014. Коррупция и антикоррупционная политика в латиноамериканских странах: современные вызовы и тенденции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург. С. 435-443.

Кравченко С.А., Охотский Е.В. 2018. Международное сотрудничество в сфере противодействия глоболокальной коррупции // Полис : Полит. исслед. № 1. С. 116-128. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.08/>

Мюллер Я-В. 2018. Что такое популизм? М. : Издат. дом Высш. шк. экономики. 144 с.

Хмельнов А. 2017. Коррупция пожирает фонды ЕС в Венгрии [Электронный ресурс], 08 дек. URL: <http://ru.euronews.com/2017/12/08/corruption-hungary-transparency-international> (дата обращения: 15.05.2018).

Шуленкова И. 2009. Современные популистские режимы: сравнительный анализ Беларуси и Венесуэлы // Палитичная сфера. № 13. С. 45-62.

Agerberg M. 2017. Failed expectations: Quality of government and support for populist parties in Europe // European Journal of Political Research. Vol. 56, iss. 3. P. 578-600. DOI: 10.1111/1475-6765.12203

Balisacan R. 2017. The Link Between Corruption and the Global Surge of Populism, 06 Oct. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalanticorruptionblog.com/2017/10/06/the-link-between-corruption-and-the-global-surge-of-populism/> (дата обращения: 15.05.2018).

Calloni M. 1998. Neopopulism and Corruption: Toward a New Critique of the Elite // Constellations. Vol. 5, № 1. P. 96-109.

Finn H. 2017. Corruption and Inequality: How Populists Mislead People [Электронный ресурс], 25 Jan. URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_and_inequality_how_populists_mislead_people?_ga=2.90344602.1821987809.1522769659-1540459568.1522769659 (дата обращения: 15.05.2018).

Gay R. 1998. Rethinking Clientelism: Demands, Discourses and Practices in Contemporary Brazil // European Review of Latin American and Caribbean Studies. № 65. Dec. P. 7-24.

Hopkin J. 2006. Conceptualizing Political Clientelism: Political Exchange and Democratic Theory [Электронный ресурс] : paper prepared for APSA annual meeting, Philadelphia, 31 August – 3 September 2006. Panel 46-18 «Concept Analysis: Unpacking Clientelism, Governance and Neoliberalism». 19 p. URL: <http://personal.lse.ac.uk/hopkin/apsahopkin2006.pdf> (дата обращения: 15.05.2018).

Mudde C., Kaltwasser C. 2013. Exclusionary vs. Inclusionary Populism: Comparing Contemporary Europe and Latin America // Government and Opposition. Vol. 48, iss. 2. April. P. 147-174. DOI: 10.1017/gov.2012.11

Mueller J.-W. 2014. Erdogan and the paradox of populism [Электронный ресурс], 11 Aug. URL: <http://www.iwm.at/transit/transit-online/erdogan-paradox-populism/> (дата обращения: 15.05.2018).

Pappas T.S. 2010. The causes of the Greek crisis are in Greek politics [Электронный ресурс], 29 Nov. URL: <https://www.opendemocracy.net/openeconomy/takis-s-pappas/causes-of-greek-crisis-are-in-greek-politics> (дата обращения: 15.05.2018).

Petkovski L. 2015. Authoritarian Populism and Hegemony: Constructing «the People» in Macedonia's illiberal discourse // Contemporary Southeastern Europe. № 3 (2). P. 44-66.

Ranganathan M., Doshi S. 2017. The Color of Corruption: Whiteness and Populist Narratives [Электронный ресурс], 07 Fedr. URL: <http://societyandspace.org/2017/02/07/the-color-of-corruption-on-the-perverse-morality-of-whiteness/> (дата обращения: 15.05.2018).

Sotiropoulos D. 2016. Populism, clientelism and corruption often work in sequence [Электронный ресурс], 19 Oct. / interview by Juliette Seban. URL: <https://www.sciencespo.fr/en/news/news/%E2%80%9Cpopulism-clientelism-and-corruption-often-work-sequence%E2%80%9D/2508> (дата обращения: 15.05.2018).

Leonid G. Fishman, Doctor of Political Science, Principal Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: lfishman@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5062-8291

CORRUPTION FOR THE SAKE OF PEOPLE

Abstract. The article is devoted to an attempt of answering the question: whether the populists coming to power would entail an increase in corruption, or it only looks like as such due to the aberration of perception conditioned by the domination of the liberal-democratic paradigm? From antiquity to present times, mass clientelism gets particular attention as an inevitable attribute of democracy. Mass clientelism is considered as an ordinary populist policy, in some cases objectively contributing to the processes of social modernization and democratization. It is stated that in the case of populism, the practice of mass clientelism, and the policy of encouraging the “national bourgeoisie” are added to the usual liberal-democratic corruption practices. Regardless of the actual state of affairs, the combination of these factors in a liberal-democratic paradigm looks like an intensification of corruption.

Keywords: corruption; democracy; liberal democracy; clientelism; modernization.

References

Agerberg M. Failed expectations: Quality of government and support for populist parties in Europe, *European Journal of Political Research*, 2017, vol. 56, iss. 3, pp. 578-600. DOI: 10.1111/1475-6765.12203

Balisacan R. *The Link Between Corruption and the Global Surge of Populism*, October 06, 2017, available at: <https://globalanticorruptionblog.com/2017/10/06/the-link-between-corruption-and-the-global-surge-of-populism/> (accessed May 15, 2018).

Bay E. *Revolyutsiya «chestnosti»: korruptsiyery idut za reshetku* [The “honesty” revolution: corrupt officials go to jail], March 01, 2017, available at: <https://haqqin.az/news/93782> (accessed May 15, 2018). (in Russ.).

Benyumov K. *Svobodnye, no nechestnye* [Free, but dishonest], April 09, 2018. available at: <http://bramaby.com/ls/blog/europe/8995.html> (accessed May 15, 2018). (in Russ.).

Calloni M. Neopopulism and Corruption: Toward a New Critique of the Elite, *Constellations*, 1998, vol. 5, no. 1, pp. 96-109.

Finn H. *Corruption and Inequality: How Populists Mislead People*, January 25, 2017, available at: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_and_inequality_how_populists_mislead_people?_ga=2.90344602.1821987809.1522769659-1540459568.1522769659 (accessed May 15, 2018).

Hopkin J. *Conceptualizing Political Clientelism: Political Exchange and Democratic Theory : Paper prepared for APSA annual meeting, Philadelphia, 31 August – 3 September 2006. Panel 46-18 «Concept Analysis: Unpacking Clientelism, Governance and Neoliberalism»*, 19 p., available at: <http://personal.lse.ac.uk/hopkin/apsahopkin2006.pdf> (accessed May 15, 2018).

Gay R. 1998. Rethinking Clientelism: Demands, Discourses and Practices in Contemporary Brazil // *European Review of Latin American and Caribbean Studies*. № 65. Dec. P. 7-24.

Girko T. *Populizm i korruptsiya – odnogo polya yagody? = Lepopolis meet la corruption sont de la mēmenature?* [Populism and corruption – one field of berries?], January 30, 2017, available at: <http://nashagazeta.ch/news/politique/populizm-i-korruptsiya-odnogo-polya-yagody> (accessed May 15, 2018). (in Russ.).

Kabanov K.V. *Korruptsiya: obshchaya situatsiya i tekushchie realii* [Corruption: General Situation and Current Realities], *ONS : Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no. 5, pp. 34-36. (in Russ.).

Khmel'nov A. *Korruptsiya pozhiraet fondy ES v Vengrii* [Corruption devours the EU funds in Hungary], December 08, 2017, available at: <http://ru.euronews.com/2017/12/08/corruption-hungary-transparency-international> (accessed May 15, 2018). (in Russ.).

Kovin V.S., Panov P.V., Podvintsev O.B. *K voprosu o sodержanii ponyatiya «elektoral'naya korruptsiya»* [To the question of the content of the concept of “electoral corruption”], V.N. Rudenko (otv. red.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. nauch. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, 2016, pp. 143-154. (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Korruptsiya i antikorruptsionnaya politika v latinoamerikanskikh stranakh: sovremennyye vyzovy i tendentsii* [Corruption and anti-corruption policy in Latin American countries: modern challenges and trends], V.N. Rudenko (otv. red.) *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. nauch. tr. po itogam Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, 2014, pp. 435-443. (in Russ.).

Kravchenko S.A., Okhotskiy E.V. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere protivodeystviya globalokal'noy korruptsii* [International cooperation in the sphere of counteraction to globalocal corruption], *Polis : Politicheskie*

issledovaniya, 2018, no. 1, pp. 116-128. (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.08/>

Mueller J.-W. *Chto takoe populizm?* [What is populism?], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2018, 144 p. (in Russ.).

Mudde C., Kaltwasser C. Exclusionary vs. Inclusionary Populism: Comparing Contemporary Europe and Latin America, *Government and Opposition*, 2013, vol. 48, iss. 2, April, pp. 147-174. DOI: 10.1017/gov.2012.11

Mueller J.-W. *Erdogan and the paradox of populism*, August 11, 2014, available at: <http://www.iwm.at/transit/transit-online/erdogan-paradox-populism/> (accessed May 15, 2018).

Pappas T.S. *The causes of the Greek crisis are in Greek politics*, November 29, 2010, available at: <https://www.opendemocracy.net/openeconomy/takis-s-pappas/causes-of-greek-crisis-are-in-greek-politics> (accessed May 15, 2018).

Petkovski L. Authoritarian Populism and Hegemony: Constructing «the People» in Macedonia's illiberal discourse, *Contemporary Southeastern Europe*, 2015, no. 3 (2), pp. 44-66.

Ranganathan M., Doshi S. *The Color of Corruption: Whiteness and Populist Narratives*, February 07, 2017, available at: <http://societyandspace.org/2017/02/07/the-color-of-corruption-on-the-perverse-morality-of-whiteness/> (accessed May 15, 2018).

Shulenkova I. *Sovremennye populistskie rezhimy: sravnitel'nyy analiz Belarusi i Venesuely* [Modern populist regimes: a comparative analysis of Belarus and Venezuela], *Palitychnaya sfera*, 2009, no. 13, pp. 45-62. (in Russ.).

Sotiropoulos D. *Populism, clientelism and corruption often work in sequence*, October 19, 2016, available at: <https://www.sciencespo.fr/en/news/news/%E2%80%9Cpopulism-clientelism-and-corruption-often-work-sequence%E2%80%9D/2508> (accessed May 15, 2018).